

взамен 3 гульдена. Еще я выручил за гравюры 3 гульдена 20 штук беров. Я подарил стекольщику Хёнингу³²⁰ четыре маленькие вещицы на меди. С господином Баннизисом я ел: jiiij. Я отдал 4 штюбера за твердый уголь и черный мел. Я отдал 1 гульден 8 штюберов за дрова и еще 3 штюбера. Столько раз я ел с моими господами из Нюрнберга: jiiijiiijiiij. Также мастер Дитрих, живописец по стеклу,³²¹ прислал мне красной краски, которую в Анторфе делают из новых кирпичей. Также я сделал углем портрет мастера Якоба из Любека,³²² и он же подарил моей жене филипповский гульден. Я снова разменял 1 филипповский гульден на еду. Я подарил госпоже Маргарите сидящего «Иеронима», гравированного на меди. Я продал «Страсти» на дереве за 12 штюберов, еще за 4 штюбера «Адама и Еву». Также капитан Феликс лютнист,³²³ купил у меня все гравюры на меди, «Страсти» на дереве и еще «Страсти» на меди, два полулиста, два четвертных листа – все за 8 золотых гульденов, и я еще подарил ему все гравюры на меди. Я сделал углем портрет господина Баннизиса. Также Рудерико подарил мне еще одного попугая, я же дал 2 штюбера на чай его слуге. Я подарил Иоганну фон дер Винкелю, трубачу, «Малые Страсти» на дереве, «Иеронима в келье» и «Меланхолию». Я заплатил 6 штюберов за пару перчаток. Я отдал 5 штюберов за бамбуковую трубку, а Георг Шлаутершпах³²⁴ подарил мне другую такую же, стоимостью 6 штюберов. Я ел с Вольфом Галлером,³²⁵ служащим Фуггера, когда он пригласил моих нюрнбергских господ. Также я выручил за гравюры 2 филипповских гульдена и 6 штюберов. Я ел еще один раз со своей женой. Я дал 1 штюбер на чай слуге Ганса Деннеса. Также я выручил 100 штюберов за гравюры. Также я сделал углем портрет мастера Якоба, живописца фон Рогендорфов. Также я нарисовал фон Рогендорфу его герб на дереве, за это он подарил мне 7 локтей бархата.

Я снова ел с португальцем: j. Я сделал углем портрет мастера Яна Прооста из Брюгге,³²⁶ он дал мне 1 гульден. Также я отдал 23 штюбера за кроличью шубу. Я послал 2 гульдена золотом Гансу Шварцу,³²⁷ за мой портрет, письмом через Фуггеров из Анторфа в Аугсбург. Также я отдал 31 штюбер за рубашку из красной шерсти. Я еще раз ел с Рогендорфом. Я отдал 2 штюбера за краску, которую делают из кирпича. Также я заплатил 9 штюберов за бычий рог. Я сделал углем портрет испанца. Снова я обедал с женой столько раз: j. Я отдал 2 штюбера за дюжину трубочек. Я заплатил 3 штюбера за две чаши из кленового дерева. Две такие же чаши подарил моей жене Феликс, такую же чашу подарил моей жене мастер Якоб, любекский живописец. Ел с Рогендорфом один раз.

Также отдал 1 штюбер за напечатанный «Въезд в Анторф», где описано, как встретили короля с пышным триумфом.³²⁸ Ворота были богато украшены, повсюду инсценировки, веселье и прелестнейшие девушки, каких мне мало доводилось видеть. Я разменял на еду 1 гульден. Я видел в Анторфе кости великана, его нога выше колена имеет длину 5 1/2 футов и тяжела и толста сверх

³²⁰ Слово «Glaser» – «стекльщик» Дюрер употребляет здесь, как и в других местах «Дневника», в значении «живописец по стеклу». О Хёнинге, которого Дюрер упоминает несколько раз, ничего более не известно.

³²¹ Дитрих – Дирк Якобзон Веллерт, живописец по стеклу, о 1511 года глава антверпенской гильдии св. Луки (корпорации живописцев).

³²² Якоб из Любека – живописец фон Рогендорфов.

³²³ Феликс Гунгерсберг – В дальнейшем Дюрер называет его просто Феликсом.

³²⁴ Георг Шлаутерсбах – дворянин из Нюрнберга, друг Дюрера.

³²⁵ Вольф Галлер – богатый нюрнбергский купец, находился в Антверпене в качестве представителя Фуггеров.

³²⁶ Ян Проост (1462–1529) – нидерландский живописец родом из Бергена, жил в Брюгге.

³²⁷ Ганс Шварц – швабский живописец и медальер, сделавший медаль с портретом Дюрера.

³²⁸ Въезд Карла V в Антверпен состоялся 23 сентября 1520 года и был обставлен с большой пышностью. Весь путь от городских ворот до дома ван Льерсе, где остановился император, был украшен аркадами на колоннах, повсюду были венки, короны, трофеи, надписи, факелы. Было также много живых картин и аллегорических изображений, представлявших «таланты императора» и прославлявших «новую эпоху счастья». Поскольку все это требовало специальных пояснений, ко дню въезда была издана книжечка Петера Эгидия, одного из устроителей торжества, о которой Дюрер здесь и говорит. Сохранился также переданный Меланхтоном рассказ Дюрера об этом торжестве (см. «Приложения»).